

что не мимолётным гостем был здесь, а сражался вместе с партизанами. Всем сердцем привязался я к этой земле, к душевным, открытым людям её, которые по-братски делили со мной и кров, и пищу, и опасности партизанской борьбы» [5, с. 138].

Таким образом, литературное творчество славного партизана-казахстанца Токтагали Жангельдина является свидетельством большого вклада жителей Казахстана в победу над врагом, одержанную в годы Великой Отечественной войны. Сохранение памяти о героическом подвиге казахстанцев в партизанской борьбе будет способствовать укреплению дружбы между народами Беларуси и Казахстана.

Литература

1. Гранов, В. Д. Воспоминания о Токтагали Жангельдине / В. Д. Гранов // Белорусский портал в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarus.kz/print/pages/print/1/2022>. – Дата доступа: 30.09.2022.
2. Едыгенов, Н. Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Н. Е. Едыгенов. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 208 с.
3. Жангельдин Токтагали [Электронный ресурс] // Партизаны Беларуси. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/46520/>. – Дата доступа: 30.09.2022.
4. Жангельдин, Т. Ж. Дневник партизана / Т. Ж. Жангельдин. – Алма-Ата : Жазушы, 1965. – 206 с.
5. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А. Л. [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
6. Партизаны-казахстанцы : Рассказы. Очерки. – Алма-Ата : Жазушы, 1965. – 227 с.

М. С. Рогачевская (Беларусь)

«МАЛЬЧИК В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ» ДЖ. БОЙНА: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАВМА

Данная статья посвящена рассмотрению в художественном произведении травматического опыта в совокупности с формированием идентичности.

Категория травмы изучается в рамках широкого круга дисциплин – психологии, психоанализа, психиатрии, социологии. Как указывает Дж. Роджер Куртц, «Мы понимаем травму как патологическое психическое и эмоциональное состояние, повреждение психики, вызванное катастрофическими событиями

или угрозой таких событий, которые подавляют нормальные механизмы реагирования индивидуума» [5, с. 2].

В последние десятилетия наблюдается интенсивный всплеск исследований в области литературной репрезентации травмы. Кэти Карут, Сьюзен Онега, Леонард Шенгольд, Энн Уайтхед, Криста Шенфельдер, Стеван М. Вайне, Дж. Роджер Курц – вот лишь несколько известных имен, которые создали значительный критический арсенал в области художественного исследования травмы.

В мировой литературе можно отследить неповторимый человеческий опыт, где травма занимает особое место. Художественное творчество открывает доступ к психическим сферам, недоступным для психиатра. На страницах книг запечатлены разные виды и формы травм: детские травмы (как, например, в рассказах Анны Битти или Дж. К. Оутс), военные травмы (в частности, в романах Пэт Баркер), травмы утраты и унижения («Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро и др.), горя и уныния («Другая сторона тебя» Салли Векерс), отверженности и вины («Искупление» Изна Макьюэна), свидетельства насилия и буллинга (романы Дж. К. Оутс и Дэвида Митчелла), преследования и выживания в катастрофах («Выбор Софи» Уильяма Стайрона, «Раскрашенная птица» Ежи Косинского). То, что описано в этих и бесчисленных других книгах, в точности соответствует симптомам травмы: измененное состояние сознания, расщепление идентичности, психические расстройства, сопровождающиеся симптоматическими навязчивыми идеями, ритуальными повторениями, необъяснимыми абберациями.

При этом травма оказывает самое непосредственное воздействие на формирование идентичности, которая является гомеостатическим механизмом, т. е. постоянно пытается вернуть то стабильное состояние, которое существовало до стресса (катастрофы, потери, травмы) [6, с. 347].

Коллективная историческая травма, пережитая не отдельными людьми, а группами населения и целыми народами, – еще одно поле литературной репрезентации, где можно наблюдать, как через травму формируется идентичность целых социальных, этнических и других сообществ. Этот феномен исследователь Кольке характеризует через понятие «двойной темпоральности» травмированного сознания, «благодаря которой субъект как бы находится одновременно в бесконечном настоящем моменте катастрофы, которая, постоянно переживается заново, отказывается уходить в прошлое, – и в посттравматическом настоящем, которое хоть и наступило позже, но парадоксальным образом ... сознание постоянно действует одновременно в нескольких несовместимых временных зонах бытия» [4, с. 30]. Особый интерес для критиков представляют такие области, как травма Холокоста и терроризма, травма и ее связь с языком, памятью и идентичностью.

В англоязычной художественной литературе подобный травматический опыт отражен в романах и рассказах о Первой мировой войне и оказывается особенно актуальным у Пэт Баркер, Тима О'Брайена, С. Фолкса. Травма Второй мировой войны исследуется в художественной литературе в гораздо более широком международном масштабе такими писателями, как Курт Воннегут,

Джеймс Джонс, Хелен Данмор, Светлана Алексиевич, Ежи Косинский и сотнями других авторов. Герд Байер отмечает, что травма Второй мировой войны – «одна из самых устойчивых черт коллективной памяти Европы» [1, с. 155].

Уникальным примером художественного изображения формирования идентичности через травму является роман «Мальчик в полосатой пижаме» («The Boy in the Striped Pajamas», 2006), соотносящийся по жанру с так называемой Young Adult Fiction (проблемной молодежной прозой) ирландского писателя Джона Бойна (родился 30 апреля 1971 г. в Дублине). Образование Дж. Бойн получил в Тринити Колледже, где изучал литературу. Писательство начал с коротких рассказов. Его самый известный роман «Мальчик в полосатой пижаме» получил две премии – Irish Book Awards и премию Bisto Book of the Year, а также несколько международных наград. Во всем мире продано свыше 5 миллионов экземпляров книги. Роман также был экранизирован в 2008 г.

Во вступительном слове к своему произведению автор пишет: «В конце концов, большая радость от литературы, в отличие от политики или религии, состоит в том, что она включает в себя различные мнения, сподвигает к дебатам, позволяет нам вести горячие споры с самыми близкими друзьями и родными людьми, и при этом никто не страдает, никого не заберут из дома и никого не убьют» [2, страницы обложки].

Бруно, девятилетний сын офицера высокого чина в нацистской партии, ответственного за операции в Освенциме, вместе с семьей переезжает из своей берлинской квартиры в дом, расположенный в пустынном районе рядом с концлагерем для евреев в Освенциме (Польша). Он скучает по друзьям, у него нет привычных занятий и школьных уроков, поэтому он однажды отправляется на поиски приключений и по другую сторону проволочного ограждения видит еврейского мальчика Шмуэля. Постепенно они улучают моменты для совместных игр и общения, когда их никто не видит, пока однажды не исчезает отец Шмуэля (и взрослому читателю романа понятно, что его уничтожили в газовой камере). Тогда Бруно решает вместе со Шмуэлем отправиться на поиски его отца, и ему удается прокрасться в лагерь, переодеться в полосатую робу и затеряться среди узников. Дома поднимается переполох из-за исчезновения Бруно. Его ищет вся семья, но след еще не скоро приведет к колючей проволоке, рядом с которой находят одежду Бруно. Тем временем в газовую камеру сгоняют следующую партию людей, среди которых Шмуэль и Бруно.

Роман фиксирует несколько форм травматического опыта. Это, прежде всего, детская травма Бруно, который внезапно должен покинуть свой уютный и родной дом и оказаться в пустынном отдаленном месте, где больше нет друзей, других домов, всего того, что делает жизнь ребенка защищенной. «Когда он закрыл глаза, он почувствовал, что вокруг него холодная пустота, все вокруг было пустым и холодным, как будто он был в самом пустынном месте в мире. В глуши» [2, с. 80]. Детский травматический опыт передается «корпоральным» языком: сенсорный дискурс передает ощущения в животе («как будто что-то росло внутри»), желание кричать, наворачивающиеся слезы. Кроме того, по принципу

формирования травмы, текст насыщен противопоставлениями: вчера у него был свой дом и друзья, а сегодня – холодный чужой дом, вчера было веселье, а сегодня все говорят шепотом и выглядят несчастно.

Прожитый травматический опыт может казаться несравнимым с опытом другого ребенка – Шмуэля, по ту сторону колючей проволоки. Однако Шмуэль уже в состоянии идентифицировать себя и осознавать свое место в своей стране, оккупированной нацистами. Похоже, коллективный травматический опыт переживается иначе, даже в нечеловеческих условиях. Шмуэль говорит о том, что у него много друзей, много общения. В то же время, одиночество Бруно возвращается на фразы, которыми пересыпаны разговоры взрослых, наставления учителя Бруно: «Германия – величайшая из всех стран, – ответил Бруно, вспомнив, что он слышал это из частей разговоров папы и бабушки. – Мы выше всех» [2, с. 147]. Однако при произнесении этих слов Бруно становится неловко, «они звучали как-то неправильно» [2, с. 148].

Формирование идентичности, осознание своего места в обществе и в сравнении с другими усиливается опытом детской травмы Бруно. Роман построен на маловероятном сюжете, но автор акцентирует тот факт, что сын коменданта Освенцима родился в один день с узником концлагеря. Их личности проходят, по сути, один путь: познание идентичности другого, которое еще больше усиливается в момент облачения Бруно в «полосатую пижаму». Вспоминая свои роли в театральных постановках, которые устраивала для него с сестрой бабушка, Бруно говорит: «Ты надеваешь нужный костюм и начинаешь чувствовать себя тем, кем ты притворяешься ... Мне кажется, я теперь именно это и делаю, правда? Притворяюсь, будто я – человек с той стороны забора.

– Ты хочешь сказать, еврей? – спросил Шмуэль.

– Да, – ответил Бруно, переминаясь с ноги на ногу. – Верно» [2, с. 183].

Таким образом, переживание травмы, связанной с потерей дома и того, что с ним ассоциируется, компенсируется формированием новой идентичности. Больше в романе не создается психологическое переживание боли и страдания. Помещение в газовую камеру не осознается как таковое, вместо этого образ мальчишек, крепко держащихся за руки, фактически сводит травматическое переживание на нет. Одновременно катастрофизм ситуации перебрасывается на мир взрослых. В семье идет поиск еще целый долгий год, пока комендант по воле случая не осознает реальную судьбу своего сына. Однако автор не делает акцент на травме потери родителями Бруно: горе начальника Освенцима – это, скорее, справедливое возмездие, а его арест по окончании войны – передача знаний о травматическом опыте, в том числе и новым поколениям читателей. «Только столкнувшись с другим сознанием, желающим и способным разделить невыносимые обрывки чувств, можно научиться складывать их воедино для себя» [3], – заключают специалисты в области травмы.

Роман «Мальчик в полосатой пижаме», направленный на восприятие как взрослыми читателями, так и подростками, иллюстрирует именно такой сценарий проживания травмы и формирования идентичности: через потерю и «вживание» в травматический опыт другого.

Литература

1. *Bayer, G. World War II Fiction and the Ethics of Trauma / G. Bayer // Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction / ed. S. Onega and J. – M. Ganteau. – Amsterdam, 2009. – P. 155–174.*
2. *Boyne, J. The Boy in the Striped Pajamas / J. Boyne. – David Fickling Books; Reprint edition, 2007. – 215 p.*
3. *Hilsley, S. Tag: Bion. A Nameless Dread [Electronic Resource] / S. Hilsley. – Mode of access : <https://shilsley.co.uk/tag/bion/>. – Date of access: 15.09. 2022.*
4. *Kohlke, M.-L. Bearing After-Witness to the Nineteenth Century / M.-L. Kohlke, Ch. Gutleben // Neo-Victorian Tropes of Trauma: The Politics of Bearing After-Witness to Nine-teenth-Century Suffering / M.-L. Kohlke, Ch. Gutleben. – Amsterdam, 2010. – P. 1–34.*
5. *Kurtz, R. Trauma and Literature / R. Kurtz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 418 p.*
6. *McCooley, D. Living autobiographically : how we create identity in narrative / D. McCooley // Paul John Eakin, Biography. – Vol. 32, N. 2, Spring. – 2009. – P. 344–348.*

Ю. В. Рогова (Беларусь)

ВТОРИЧНЫЕ СПОРТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПОНЯТИЙ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Понятие категории *деструктивности* получило широкое распространение в лингвистике, научной и публицистической литературе, средствах массовой информации, стало важной частью лексического состава различных языков. Одним из наиболее распространенных способов репрезентации категории деструктивности являются глаголы и существительные со значением разрушения. Среди них особое место занимают вторичные лексико-семантические варианты (в дальнейшем ЛСВ), образованные в результате семантической деривации. Действие семантической деривации распространяется на различные сферы жизнедеятельности человека. В рецепиентной сфере во многих случаях оказываются спортивные термины и понятия, что объясняется особенностями менталитета народов мира, в сознании которых деструкция и война представляет собой устойчивые архетипы. Повышение престижа спорта повлекло за собой рост конкуренции между спортсменами, которая «характеризуется повышенной агрессивностью, желанием победить любым путем» [Елистратов, с. 65]. В спортивный обиход деструктивные лексические единицы вошли в качестве готовых метафорических терминов зримо экспрессивного содержания. В русском и итальянском языке стало традиционным употребление следующих спортивных субстантивных метафор: